

«Дорогой Кирилл!

Я получил твоё письмо, и оно, честно сказать, меня озадачило. После нашей с тобой последней встречи, когда я предлагал тебе подписать контракт, прошло почти два года. Я, как ты, наверное, знаешь, уже не команду полком, выдвинут на повышение. Мой преемник — человек своеобразный, ты с ним не знаком и вряд ли найдёшь общий язык. Изменилась и ситуация в самом Таджикистане, теракты и убийства наших военнослужащих стали привычным делом. Но не это, пожалуй, самое главное.

Если я правильно понял, тобой движет вовсе не мальчишеское стремление нацепить на себя камуфляжную форму, перепоясаться пулеметными лентами, взвалить пулемет на плечо и пойти на засаду. Забавами такого рода мы с тобой насытились под завязку еще в Афгане, войной и смертью тебя не удивишь и тем более не прельстишь. Я помню встречу с твоим другом Борисом, который многое рассказал о тебе, и я теперь понимаю, что ты собрался в Таджикистан не только для того (точнее — не столько), чтобы послужить Отечеству. Мне трудно подыскать подходящее определение тому делу, на которое ты подрядился в наши недобрые края, но хочу предупредить: остановись, трезво и спокойно оцени свои

силы и возможности, сойди с небес на землю и подумай о своем будущем. Поверь, что все это не стоит того, чтобы ты рисковал жизнью. Я помню тебя по Афгану: ты был храбрым воякой, но в то же время умел беречь своих солдат. Мне очень хочется, чтобы это качество проявилось снова и ты сберег сам себя. Предоставь заниматься грязной и опасной работой тем, кто в ней более компетентен.

Надеюсь на твой светлый разум и холодную голову. Крепко обнимаю!

Твой ЛОКТЕВ».

Я сложил письмо и сунул в нарукавный карман, хотя его следовало бы выкинуть. Четвертый или пятый раз читаю, выучил почти наизусть. Мы с Локтевым служили в одной разведоте в Афгане. Он был командиром, я — старшиной. До сих пор не понимаю, как он выжил. Люди, у которых напрочь отсутствует чувство страха, обычно ловят пули столь же целеустремленно, как теннисная ракетка мячи.

Я опустил руку в сумку, нащупал бутылку с минералкой. Хотел по привычке открыть об угол, но сиденье подо мной, куда я приложил горлышко, имело округлый край. Сосед, сидящий справа, человек зрелого возраста, с зачесанными назад седыми волосами, обратил на меня внимание и протянул складной нож.

— Служить? — спросил он, разглядывая мою камуфляжную форму.

Я кивнул и присосался к бутылке. Этот человек был мне не интересен, а для меня нет ничего более мучительного, чем вести пустые разговоры со случайными попутчиками. Бутылку я осушил в три глотка, и тотчас руки покрылись крупными каплями пота.

Сосед продолжал рассматривать меня, и я понял, что разговора с ним не избежать.

— Гурьев, — представился он и протянул руку. — Анатолий Александрович Гурьев.

Я потрогал его руку, кивнул и сразу же прикрыл глаза. Пусть думает, что я намерен вздремнуть.

— Простите, что отвлекаю вас. Дело в том, что я первый раз лечу в Таджикистан, и, если можете, хотя бы в общих чертах, обрисуйте обстановку... Душа не на месте, не имею ни малейшего понятия, что ждет меня впереди. Все случилось так неожиданно, и не было времени разобраться во всем толком. Этот договор, эти сумасшедшие сборы в дорогу... Куда меня, старого дурака, понесло?

Самолет сделал крен, в иллюминатор брызнул солнечный свет, яркое пятно, словно круг от прожектора, заскользило по борту, раскачивающейся грузовой подвеске, по лицам пассажиров — сонным, хмельным или встревоженным, по ряду сумок, коробок, ящиков, выставленных посередине салона. Гурьев скосил глаза, пытаясь рассмотреть, что происходит за мутным стеклом иллюминатора, ничего не увидел, кроме неба, но встать не стал.

— Вот посмотрите, — сказал он, вытаскивая из сумки серую папку с надписью «Дело №» и развязывая тесемки. — Что это может означать?

Он надел очки в толстой желтой оправе под янтарь и зачитал мне с листа:

— «Организация обязуется обеспечить специалиста всем необходимым для работы и отдыха в пределах нормы, которая устанавливается в зависимости от результатов труда». — Гурьев поднял на меня глаза и

снял очки. — Вы не можете объяснить мне, что это за норма и кто будет ее устанавливать?

— Об этом вам надо было спросить у того, с кем вы подписывали договор, — ответил я.

— Да я все понимаю, — отмахнулся Гурьев. — Но когда все делается в страшной спешке... Или вот еще, послушайте: «Специалист не вправе прерывать контракт по своему усмотрению, равно как и покидать пределы рабочей территории без ведома администрации, вести какую-либо переписку или иными способами связываться с лицами, не имеющими отношения к настоящему договору». Что это? — с нотками возмущения спросил он, будто именно я заставил его подписаться под этими словами. — Это же концлагерь какой-то! И мы еще смеем утверждать, что живем в демократическом обществе.

— А чего вы возмущаетесь? — пожал я плечами. — Вас разве насильно заставили подписать это?

Гурьев вздохнул и спрятал листы в папку.

— Да, вы правы. Но когда штат института сокращают ровно втрое и тебя, как одряхлевшую собаку, выставляют за порог, подпишешь что угодно.

Во мне шевельнулось слабое любопытство.

— А кто вы по специальности?

— Химик! — Гурьев зачем-то развел руками. — Бывший сотрудник института фармакологии при министерстве здравоохранения. А теперь, значит, лечу неизвестно куда, неизвестно зачем, и одному богу известно, чем я буду заниматься. Жадность наказуема! — добавил он философски. — И в истинности этих слов мне, кажется, придется убедиться очень скоро.

— Вам пообещали хороший заработок?

— Хороший? — Он как-то странно посмотрел на

меня. — Хороший заработок я имел в институте. А тут, — он постучал ладонью по папке, — мне предложили просто фантастические деньги! — Гурьев ближе придвинулся ко мне и негромко сказал: — Пять тысяч долларов. В месяц. Плюс бесплатное питание и проживание.

И выжидающе посмотрел на меня.

— Ну что ж, вам можно только позавидовать.

— Да бросьте вы! — махнул Гурьев рукой. — Вы искренне верите, что мне заплатят такие деньги?

— Смотря чем вы будете заниматься.

— Да в том-то и дело, что я не знаю, чем буду заниматься.

Я искренне удивился.

— Даже приблизительно не знаете? Рыть котлованы или продавать бижутерию?

— Насчет бижутерии вы, конечно, утрируете, — усмехнулся он. — Работать я буду по специальности. Как-никак, а двенадцать лет руководил кафедрой.

— Значит, вы будете работать на медицину.

— Возможно, возможно, — пробормотал он. — Но такие деньги! Конечно, я подмахнул договор, особенно не вчитываясь в него. За пять тысяч долларов можно и за колючей проволокой поработать, правда? — Он рассмеялся, промокнул платком лоб.

— А организация, с которой вы подписали договор, — это что же, какое-нибудь государственное учреждение или фирма?

Гурьев отрицательно покачал головой.

— Что вы, голубчик! Какое госучреждение в наши времена отвалит вам такую зарплату? Это какая-то малоизвестная коммерческая фирма.

— И она специализируется на производстве лекарств?

— Полагаю, что да, — кивнул Гурьев.

— На территории Таджикистана?

— Выходит, что так, раз меня отправили туда.

Самолет лег на правое крыло, и солнечный свет ослепил нас. Пошатываясь, через сумки и коробки переступал краснолицый солдат. Он искал в огромной утробе грузового «Ила» туалет и никак не мог его найти. Дружки, похохатывая, указывали ему то на рампу, то на входную дверь, то на пилотскую кабину.

Гурьев, полагая, что исчерпал тему разговора, стал запихивать папку с договором в сумку, но я тронул его за руку.

— Вы позволите мне почитать?

Гурьев кивнул, охотно вытащил папку и протянул ее мне. Я развязал тесемки, вытащил лист договора, отпечатанного на принтере. Вверху слева — логотип в виде пальмы, ветвь которой закручивается буквой «Р». От нее на всю страницу вытягиваются слова, дрожащие, как в знойном воздухе: «Российско-перуанский коммерческий союз «Гринперос».

Я посмотрел вторую страницу. Внизу — печать. В ее середине — все та же пальма, по окружности — надписи на русском и испанском. Еще ниже фамилия генерального директора, Луиса Маркеса, и размашистая подпись.

— Вы один летите? — спросил я, еще раз просматривая бланки договора.

— Вообще-то нас было трое, кто вместе со мной подрядился на эту работу, но те парни летят через два дня гражданским бортом, а мне удалось сесть на военный.

— Вас будут встречать?

— Надеюсь! Очень надеюсь! В Душанбе у меня нет никого. А ночевать в незнакомом городе опасно... Что вы там увидели?

Я оторвал взгляд от логотипа и протянул листы Гурьеву.

— Где-то я уже слышал об этой фирме, — расплывчато сказал я.

— Надеюсь, хорошее? — спросил Гурьев, заталкивая папку на прежнее место.

— Да, — ответил я, задумавшись. В мыслях кружились смутные воспоминания: «Гринперос». Где-то я уже слышал это слово: — Да, — повторил я. — Надеюсь, что это хорошая фирма и вас не обманут с заработком.

Самолет пошел на снижение. Гурьев боялся полета, и теперь лицо его стало еще более напряженным. Он постоянно вытирал платком лицо и шею, словно хотел отполировать кожу до блеска. Солдаты, не вставая со скамьи, стали разбирать свои выгоревшие на солнце зеленые рюкзаки и закидывать их за плечи.

На выходе я немного отстал от Гурьева, хотя он, спускаясь по рифленой рампе, которая словно от высотного холода покрылась металлическими пупырышками озноба, все время оборачивался, но уже не мог различить меня среди толпы солдат, одетых в камуфляж. Я не спускал с него глаз, когда он сошел на бетонку, от которой тянуло доменным жаром, поставил сумку у ног и стал смотреть по сторонам, выискивая встречающих. Смешавшись с шаркающим пыльными сапогами строем солдат, я шел к крытым брезентом грузовым машинам, курсирующим между аэропортом и штабом дивизии. Если его не встретят, подумал я, придется забрать его с собой.

Солдаты начали грузиться в кузов. Я не спешил, хотя старший машины поторапливал и водитель уже завел мотор. Гурьев топтался у рампы, изнемогая от жары. Не встретят, почти уверенно подумал я, закинул свою сумку в кузов и хотел уже было бежать к самолету, как увидел подкативший к рампе серебристый микроавтобус «Ниссан». Смуглый, с бритой головой человек вышел из машины, подошел к Гурьеву, что-то спросил. Тот с готовностью вытащил папку и протянул человеку договор. Человек кивнул и показал на машину. Через полминуты серебристый «Ниссан» беззвучно развернулся и помчался по рулежке куда-то в сторону.

Встретили, подумал я и ощутил странное чувство скрытой тревоги.

2

Локтев был на совещании у командира дивизии, и я прождал его больше часа. Потом я увидел его тяжело-весную фигуру в конце коридора; он шел в мою сторону, широко размахивая руками, вынуждая встречных офицеров прижиматься к стене и отдавать честь каким-то притесненным нелепым движением, в котором было не столько стремление приветствовать начальника, сколько желание не обратить его внимание на себя. Я подумал, что Локтев не узнает и вообще не заметит меня — начальникам его ранга свойственно не обращать внимания на такую мелочь, как штабные клерки, тенями снующие по коридорам, а я в своем камуфляже вполне смахивал на такую мелочь. Но Локтев, поравнявшись со мной, узнал меня и отреагиро-

вал так, словно мы в последний раз виделись только вчера.

— Прилетел все-таки, — пророкотал он, на мгновение остановившись рядом и не подав руки, затем повернулся к двери своего кабинета и бросил через плечо: — Служить хочешь? Не надоело голову под пули подставлять? Зайди, черт тебя подери!

Он вошел в кабинет, воздух в котором от кондиционера был сырым и холодным, сел за стол, наполовину заставленный телефонами, схватил со стола пачку сигарет, но она оказалась пустой, и Локтев со злостью швырнул ее в мусорную корзину.

— Ну зачем ты приехал? — громко спросил он, не глядя на меня.

— У тебя, наверное, неприятности, — предположил я.

— Да какие к черту... — начал было он заводиться, но осекся, поднял трубку, приказал подать к КПП машину, впечатал трубку в гнездо с такой силой, что аппарат чудом не раскололся на части, и, наконец, пристально посмотрел на меня: — Сколько тебе лет, Кирилл?

— Тридцать четыре.

— Тридцать четыре, — повторил он, покачивая тяжелой крупной головой. — Возраст, когда жизненный опыт потихоньку начинает перерождаться в мудрость... Пива хочешь? — Он опустил руку под стол и вытащил оттуда темную бутылку и стакан. — Теплое, правда. Зато «Бавария». Тут все пьют баварское пиво и смирновскую водку. Не то, что мы пили в афганскую войну — вонючую кишмишовку и спирт, который покупали в вертолетном полку. Не забыл?

Я не притронулся к стакану, через край которого медленно переваливала пышная пена.

— Обиделся, — решил Локтев. — А напрасно.

Он поднялся из-за стола, подошел ко мне, обнял за плечи.

— Ты, Кирилл, хороший парень, но...

Он не договорил. Или не подыскал подходящего слова, или не захотел показаться слишком грубым. Мы вышли в коридор. Я шел следом за Локтевым. Встречные офицеры снова шарахались в стороны. Я шел за ним, как за бульдозером.

Во внутреннем дворике Локтева дожидался «УАЗ». Я сел на заднее сиденье. Минут двадцать мы кружили по городу, который отчасти был мне знаком. Дорогой Локтев молчал, лишь изредка и односложно говорил водителю, в какую сторону сворачивать. Машина на высокой скорости покачивалась, будто раскаленный на солнце асфальт стал прогибаться под колесами. Я думал над тем, какие слова готовит мне Локтев и что я отвечу ему. Настроение, с которым я входил в штаб, сменилось чувством легкого разочарования. Я надеялся в лице Локтева обрести союзника, а на деле выходило, что этот человек наверняка станет мешать мне.

Мы остановились у сквера, откуда веяло влажной прохладой фонтанов, рассеивающих между деревьев водяную пыль. Локтев, похоже, был здесь не первый раз. Он снял кепи, кинул его на сиденье и уверенно пошел по тропе к пруду. Мы сели за столик под полосатым зонтиком. Пара лебедей, дремавших на середине пруда, бесшумно устремилась к нам. Пригнув голову, в тень зонта вошел официант.

— Здравствуйте, товарищ полковник! — сказал он Локтеву.

— Привет, Сафар! — кивнул Локтев.

— Кушать будете? Плов, шашлык?

Локтев вопросительно глянул на меня. Я отрицательно покачал головой.

— Не надо, — сказал он официанту. — Только чай и сигареты. У тебя есть хорошие сигареты?

— «Парламент», «Кэмел»?

Я наблюдал за Локтевым. Не знаю, насколько я изменился за время, прошедшее после нашей совместной службы в Афгане, но Володю Локтева трудно было узнать. Годы, трудности, лишения, переживания — ничто так не меняет людей, как власть.

— У меня мало времени, — сказал он, когда официант отошел, — поэтому я хочу, чтобы ты еще раз внимательно выслушал меня, еще раз хорошо обо всем подумал, а потом уже принимал окончательное решение. Мы с тобой два с половиной года утюжили животами афганскую землю, не щадили себя и делали все, что от нас требовалось. Ты помнишь, о чем мы тогда мечтали? Вернуться в Союз и первым делом вымыться в тазу с шампанским. Ты помнишь, какие наивные были у нас мечты? Мы думали, что дома станем национальными героями. А о нас вытерли ноги. То же будет и с теми, кто сейчас подставляет головы на границе. Но этих парней пока еще не предавали по-крупному, и они верят, что вернуться со щитами и пройдут через триумфальную арку.

Он замолчал, ожидая, пока официант расставит на столе чайный сервиз, блюдо с колотым сахаром, массивную хрустальную пепельницу, сигареты, спички. Локтев кивнул, поторапливая, коснулся пальцами его спины.

— Но ты ведь уже не можешь этому верить! — продолжил Локтев, когда мы снова остались одни. — Только кретин может второй раз подряд наступить на

грабли. Улетай отсюда как можно быстрее, возвращайся домой, требуй, вырывай, отбирай то, что тебе положено, то, что ты давно заслужил! И ради бога, не пытайся посмотреть на гильотину снизу и тем более смазывать ее шарниры.

Он говорил не о том. Но я молчал, не перебивал, как он и просил. Локтев тоже замолчал. Кажется, он понял, что в нашем случае надо либо говорить откровенно, либо не говорить вовсе.

— Ну, что ты молчишь? — не выдержал он.

— Ты же сам просил.

— Я не о том! Пей чай, а то остынет.

Я плеснул в пиалу немного рыжей водички. Разве это чай, думал я, покачивая пиалу в ладони. И что они находят в этой несладкой горячей воде с привкусом соломы? Часами пьют и ведут разговоры. И Локтев привык к этому обычаю — не мог обойтись без пиалы с чаем. А может быть, этот ритуал — всего лишь вспомогательный инструмент восточной хитрости и лицемерия? В любой удобный момент можешь замолчать, поднести ко рту пиалу, сделав паузу, чтобы обдумать следующую фразу?

Я поставил пиалу на стол. Я мог обойтись и без нее.

— Если тебе неприятно говорить о наркотиках, — сказал я таким тоном, словно речь шла о контрабандных сигаретах, — то каждый из нас останется при своем мнении.

Локтева распирало от возмущения и, кажется, от бессилия. Он, несмотря на то что я говорил довольно тихо, процедил сквозь зубы:

— Ты можешь не орать, как на футболе?

Он закурил, при этом так яростно стиснул зубами

фильтр, что тот в конце концов оторвался, и Локтев в сердцах швырнул сигарету на пол.

Я невольно поставил его перед выбором: быть со мной, как того требовало наше боевое братство, или же отказаться. Если бы Локтев сейчас сказал, что, мол, прости, Кирилл, но мне надо подумать о семье, о старшем сыне, которому пришло время поступать в институт, о жене, которой надо лечиться в санатории с минеральным источником, мое мнение о нем не изменилось бы ни на йоту. Собственно, получив письмо, я был готов к такому ответу и хотел от Володи только одного: чтобы он поставил меня на должность в разведроту и предоставил возможность командовать группой солдат на прикрытии границы. Все остальное я сделаю сам.

Локтева терзала совесть. Он машинально выпил весь чай, крикнул Сафару, чтобы тот принес еще, да не эту ослиную мочу, а покрепче, затем повернулся ко мне и неожиданно буднично спросил:

— Тебе жить надоело, Кирилл?

Я отрицательно покачал головой.

— Как раз наоборот.

— Тогда в чем же дело?

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое. А для этого надо разворошить весь этот поганый муравейник.

— А по силам ли тебе это, Кирилл? Не много на себя берешь?

— Мне ничего другого не остается.

— Разве ты не можешь вернуться в свой курортный рай и обо всем забыть?

— Не могу. Уж слишком часто они напоминают о себе. Терпение лопнуло.

Локтев смотрел на меня с недоверием.

— Да брось ты! — поморщился он, словно я наступил на его мозоль. — Ну что? Что тебе известно? Что через Пяндж сюда, а потом в Россию идет поток наркотиков? Так об этом всем давно известно!

— Ты знаешь, что я имел в виду не это.

— А что ты имел в виду? Что кое-кто из контингента миротворческих сил замешан в контрабанде? Ты знаешь, кто это? И сможешь доказать?

— Пока не знаю. Но надеюсь в скором времени выяснить.

— Ах, ах, ах! — театрально схватился за голову Локтев. — Этим уже не первый год занимается контрразведка Таджикистана и России, но как раз не хватало Вацуры, чтобы пролить свет на все темные дела, которые здесь творятся.

— Ты можешь иронизировать сколько твоей душе угодно, но это так.

— Ну откуда ты взял, что наши люди работают на наркомафию? Книжек начитался или фильмов посмотрелся?

— Ты очень быстро забыл Алексеева.

Володя набычился, уставился в свою пустую пиалу. Нет, Алексеева он не забыл, и, по-моему, совесть моего собеседника до сих пор неспокойна — ведь он сам «вычислил» Алексеева, когда тот под видом домашних вещей переправлял в Москву военным бортом, минуя таможни, контрабандный груз. Недавно Алексеева убили в собственном номере гостиницы «Таджикистан».

— Алексеев работал в паре с Вольским, — сказал я.

— С Вольским? — недоверчиво усмехнулся Локтев. — Ну ты и фантазер! Вольский давно служит в Москве! — Он помолчал, взвесил то, что я ему сказал, и после паузы продолжил: — Ну, допустим, что наш

бывший начальник политотдела дивизии генерал Вольский каким-то образом был причастен к контрабанде наркотиков из Афгана. Допустим! — повторил Локтев, подняв указательный палец вверх и выразительно глянув на меня. — Но теперь он в Москве, рвется в депутаты, а его напарник Алексеев убит при загадочных обстоятельствах. А тебе зачем все это надо?

— Хочу свести личные счеты с наркомафией, — ответил я, улыбаясь.

Локтеву мой ответ не понравился. Он хмыкнул, опустил глаза, стал барабанить пальцами по пачке сигарет.

— На кого ты работаешь, Кирилл?

— На самого себя.

— Тебе за это платят?

— Я же тебе сказал, что работаю на себя.

— Ты получаешь от этого удовольствие?

— Колоссальное! Просто оргазм!

Доводы у Локтева исчерпались. Он сопел и пытался вытрясти из чайника последние капли.

— Ну, хорошо, — сказал он примирительно. — Найдешь ты людей, которые завязаны на наркотиках. А дальше — что?

— А дальше я выйду на тех, кто их скупает в Москве.

— И что? Пойдешь в прокуратуру? В ФСБ?

— Нет, я предпочитаю работать в одиночку.

— Кирилл, ты смешон. Не строй из себя Джеймса Бонда. Мне будет жалко тебя потерять. Нас, афганцев, кто служил в кундузском полку, совсем мало осталось. Ты и так слишком много рисковал жизнью, Кирилл. Не надо снова испытывать судьбу. Поверь, мне будет очень жалко, если ты... если тебя...

Его голос вдруг надломился, и в моей душе что-то

шевелинулось. Я улыбнулся и опустил руку на плечо Локтеву.

— Ладно, — сдался я. — Джеймс Бонд и борьба за справедливость здесь, конечно, ни при чем. Все проще, Володя. Я хочу отомстить. Это мое личное дело, можно сказать, сугубо интимное! Здесь замешана женщина, к которой я в некоторой степени неравнодушен.

Локтев кивнул головой, принимая такой ответ, и развел руками.

— И чем я могу тебе помочь? Доверить тебе командование людьми?

— Да.

— Могу предложить тебе должность у нас в штабе. Пойдешь на узел связи?

— Не надо, Володя. Ты понимаешь, о чем прошу.

— Да пойми, чудак! На узле связи ты сможешь прослушивать все телефонные разговоры. Может быть, и контролировать почту.

— Мне кажется, — сказал я, — что мы торгуемся. — Мне нужна граница, Володя! Пяндж! Тропа наркоторговцев! Да не бойся же ты!

Моя последняя фраза его взорвала. Локтев в ярости сжал в кулаке полупустую пачку сигарет и швырнул ее под себя.

— Появился ты на мою голову! — сквозь зубы произнес он. — И лезешь со своими дурацкими интимными делами. Я никого и ничего не боюсь, понял?! И ты это хорошо знаешь! Ты помнишь Афган, Панджшер? А южный спуск с Саланга, когда на нас сверху ссали пулеметным огнем и сожгли полколонны? Ты помнишь, как вся рота лизала пыль и не могла оторвать морды от асфальта? Ты помнишь, сколько нас оста-

лось?.. И было бы еще меньше, — добавил он тише, — если бы ты не вытащил меня из-под обстрела.

Все, подумал я. Нет больше Володьки Локтева, того лихого и отважного ротного, который в апреле восемьдесят четвертого на южном спуске с Саланга показывал чудеса храбрости, который вывел остатки роты из огненного мешка, боевой машиной пехоты расчистив дорогу от полыхающих бэтээров и «КамАЗов». Звание Героя ему не утвердили только по той причине, что у него был выговор по партийной линии. Нет больше Володьки Локтева. Тот, воин от бога, остался где-то в Афгане, в копоти, пыли и зное, наполненном ревом боевых машин и рокотом «вертушек». А полковник, сидящий сейчас передо мной, был всего лишь его искаженной копией, носящей те же имя и фамилию; ему нечем было доказать свое мужество, кроме как воспоминанием о прошлом.

Я встал из-за стола. Локтев, не поднимая головы, рывкнул:

— Сядь, я тебя еще не отпустил!

Он уже разговаривал со мной, как с подчиненным. Я ждал, когда он поднимет глаза. Локтев барабанил пальцами по столу. На глубоких смуглых, почти черных, залысинах блестели крупные капли пота. Он чуть дернул головой, глянул на меня исподлобья. Мне было его жалко, точнее, того юного ротного, который не боялся смерти только потому, что слишком мало с ней встречался и безоглядно верил в свое бессмертие.

Локтев все понял по моему взгляду. Он провел ладонью по сидящим волосам, зачесывая их назад, и глухо произнес:

— Прости...

Мы возвращались к машине молча.

На следующий день он подготовил мне предписание в приграничный полк, сам позвонил его командиру и попросил, чтобы тот поставил меня на должность старшины разведроты. Перед отъездом он подарил мне трофейную финку с тяжелой эбонитовой ручкой, обтянутой кожей и украшенной медными кольцами, и лезвием длиной почти в две ладони.

3

Акации не требуют много воды. Им легко выжить в высохшей земле. Листья мелкие, как монеты в ладони скупца, они почти не испаряют влагу. Но и тени от них никакой. Вроде бы дерево как дерево, а постоишь под ним полчаса, и мозги от зноя плавиться начнут.

Я тряхнул головой, избавляясь от капелек пота на лбу, как от надоедливых мух. Передо мной стоял строй солдат. Эти были не те парни, с которыми я когда-то таскался по Афгану. Они не имели ничего общего с теми худыми мальчиками с комсомольскими значками и фотографиями прыщавых девчонок в нагрудных карманах, которых переполненными самолетами закидывали в пустыню выполнять интернациональный долг. Эти молодые и зрелые люди уже многое успели повидать и испытать в своей жизни. Они знали ей цену и продавали ее, без затруднений подсчитывая выгоду.

Незнакомые лица с вялым любопытством уставились на меня. Белели бритые головы под пятнистыми кепками. Наемники молча ждали команды, отрабатывая свои деньги.

— Моя фамилия Вацура, — представился я. — Пока у вас нет командира взвода, я буду выполнять его обязанности.

Краснощекие амбалы, худощавые парни, измотанные жизнью и алкоголем мужи смотрели на меня почти с безразличием. Несколько ртов ритмично жевали жвачки. От строя несло высокомерием.

Нет, это не то, мысленно повторил я и опустил голову. Я не мог смотреть на этих людей. Они были бесконечно чужды мне.

— Для начала, — не поднимая головы, сказал я, — проведем занятие по физической подготовке. Я бегу первым. Не отставать и не растягиваться по дистанции.

Тропа шла вокруг стадиона, по полю мимо домов офицерского состава, петляла между окопов, открытых несколько лет назад, в дни кровавых весенних событий. Акации, смыкаясь кронами, закрывали небо, и на этой части трассы было сумрачно. Взвод гремел тяжелыми ботинками за моей спиной; сопели, отхаркивались и сморкались разогревшиеся наемники.

Перед окопами, заросшими высокой травой, я оторвался от группы, вынуждая и солдат увеличить скорость, и стал резко менять направление, петляя между ям-ловушек.

За моей спиной раздались крики, ругательства, несколько человек тяжело упали под ноги своих товарищей, кто-то уже стонал, подвернув ступню, кто-то матерился, посылал кого-то куда-то, просил не толкаться. Одни пытались чаще перебирать ногами, чтобы не угодить в прыжке в окоп, другие, наоборот, прыгали, как козлы на горной тропе. Группа сильно растянулась, и следом за мной на поле выбежало лишь несколько человек. Не снижая темпа, я устремился по изрытому сточными водами, заваленному стволами упавших деревьев, булыжниками, поросшему высокой травой лугу. Здесь бежать было не легче, а может

быть, даже сложнее, и на новых препятствиях снова падали солдаты, разбивая себе до крови локти, носы и лбы, и я зло кричал, чтобы включили мозги и думали над каждым движением. Через километр, когда многие безнадежно отстали, а самые стойкие едва передвигали ногами, я свернул на подъем, где не было ни тропы, ни утрамбованного грунта, лишь песок вперемешку с камнями, в которых увязали ноги, и подниматься по которому можно было только на четвереньках, цепляясь руками за ветви хилых кустарников. На верхнюю тропу вместе со мной выбежали только трое. Четвертый, вывалянный в песке, как котлета в сухарях, выползал на край обрыва, тянул на себя клочки пожухлой травы, вырывал их с корнями, царапал землю, стонал, пытаясь забросить ногу, чтобы вытащить себя. Я присел рядом с ним, капли пота с моего лба падали на сержантские лычки наемника.

— Ну что, солдат фортуны, подыхаешь? Немножечко уже навоевался? Как фамилия?

— Герасимов, — с трудом разлепив губы, ответил он.

— Ну что ж, Герасимов, для начала неплохо.

* * *

Вечером меня вызвал к себе командир полка.

— Вацура! — орал он, глядя на меня снизу вверх, так как был почти на голову ниже. — Что ты себе позволяешь? Это не спортрота! Эти парни под пули на границу ходят. А ты кто такой?..

Я не дослушал его и вышел из кабинета, с силой хлопнув за собой дверью.

В комнате на семь человек, где мне определили место, под тусклой лампочкой, едва освещавшей фанерные стены, обклеенные журнальными фотографиями

голых женских тел, вокруг застеленной газетой табуретки сидели люди в пятнистых брюках. При моем появлении они замолчали, занялись хлебом и редиской, высыпанной на придвинутую койку. Сигаретный дым смрадным туманом висел под потолком. Потные смуглые торсы с сизыми нашлепками татуировок блестели в тусклом свете. Один из них встал, налил в стакан водки и подошел ко мне. Я узнал сержанта Герасимова. На его шее болтался шнурок с амулетом, а на запястье матово отсвечивала стальная бирка с выгравированной группой крови.

— Выпей с нами, — сказал он.

Я отрицательно покачал головой и лег на свою койку.

— Не хочет. — Герасимов пожал плечами, вздохнул и вернулся к «столу», поставил стакан и снова подошел ко мне. — Не переживай, — сказал он. — Все правильно. Ребята тебя уважают. А кто не хочет уважать, после отпуска сюда уже не вернется.

Пусть не возвращается, мысленно согласился я и провалился в сон, как в яму.

4

Утром в столовой офицеры говорили вполголоса и перебивали друг друга. Никто ничего не знал точно, каждый лишь пересказывал то, что слышал от других. Ночью в очередной раз обстреляли погранзаставу. Сначала «духи» поливали длинными очередями из автоматов и пулеметов, а потом, до рассвета, хлопали одиночными выстрелами и постоянно меняли позиции, чтобы их нельзя было накрыть ответным огнем. Были потери. Одни утверждали, что убито трое, другие — что восемь или даже одиннадцать человек.

Официантка Люся, немолодая, с изношенным лицом женщина, самоотверженно играющая роль девочки, принесла мне холодный комок макарон, политых рыбными консервами, и села за стол напротив. От нее пахло хлоркой. Она оперлась щекой о кулак, и ее правый глаз превратился в щелочку, отчего казалось, будто ей заехали под глаз кулаком. Люся привыкла, что где-то недалеко постоянно убивали наших ребят, и не горевала по этому поводу.

— Добавки принести? — спросила она, улыбаясь, когда я отставил тарелку от себя.

— Разве я сделал тебе что-нибудь плохое? — вопросом ответил я.

Люся уже давно потеряла надежду выйти замуж, но по привычке клеилась ко всем новым мужчинам в полку, пока они, не огрубев на границе, вели себя относительно вежливо.

Днем я видел тех несчастных. Их было семеро — четверо убитых и трое раненых. Их заносили в «вертушки» на носилках. Один раненый шел сам, опираясь о плечо солдата. Вокруг носилок, прикрытых брезентом с бурыми пятнами, прохаживался низкорослый, худой, как подросток, лейтенант с тлеющей папиросой во рту. Несмотря на свой свежий возраст, его темя белело плешью, оттененной черными как смоль волосами. Он морщился, но поглядывал на носилки с профессиональным интересом. Позже я узнал, что это был начальник полевого морга при душанбинском госпитале Эдик Бленский. Пара темно-зеленых вертолетов с большими красными звездами на бортах зависла над футбольным полем, затем задрала хвосты и стремительно взвилась в небо, увозя в себе живых и мертвых в госпиталь.

Через неделю мы меняли батальон, простоявший на прикрытии границы почти два месяца. Это были почерневшие от пыли и солнца люди, возраст которых теперь можно было определить лишь очень приблизительно. Постоянный дефицит воды и жара высушили их, и кожа на их лицах и руках теперь напоминала коричневый пергамент.

Два месяца они ждали замены, чтобы вернуться в полк, в свои фанерные общаги, которые в сравнении с окопами и десантными отделениями боевых машин могли показаться пятизвездочными отелями, два месяца они думали только о том, как получают деньги — огромные деньги по таджикским меркам, как закупают пива и водки и заляются ими, как потом будет дрожать от разгула пьяных рот ночной военный городок, как жалобно станут подвывать собаки, вторя дикому реву, в котором только при большом желании можно будет распознать песню.

Но все эти глупые, приземленные цели, которые могут быть порождены лишь убогостью фронтовой жизни, за два месяца ожидания потеряли привлекательность, как хронически голодающий человек постепенно утрачивает чувство аппетита, желания перегорели, и вопреки моему ожиданию у заставы, где мы меняли одну из рот, не было ни суеты, ни спешки. Отработавшие свое люди с безразличными лицами грузили на машины одеяла и матрацы, вяло приветствовали замену, обнимались, словно узники концлагеря со своими освободителями, не спешили покинуть окопы, ячейки и блиндажи, с удовольствием фотографировались, позируя на фоне Пянджа, словно сродни-

лись с этой полоской земли, разделяющей стену гор и границу-реку, и теперь грустили по поводу расставания.

Меня тронул за плечо парень в маскхалате, надетом на голое тело.

— Ты командир взвода? — спросил он, покосился на мои погоны, протянул руку и представился: — Игнатенко, начальник заставы. — И без всякого перехода, тоном, каким отдают приказ: — У тебя четыре бэ-эмпэ? Поставишь их по периметру вокруг заставы, стволы вверх до упора, каждому наводчику укажешь сектор в девяносто градусов. Людей раскидаешь по этим трем холмам. Там ячейки отрыты... Имей в виду, — добавил он, — твоя задача — беречь заставу. Нас обстреливают практически каждую ночь.

Собственно, я не был обязан ему подчиняться, и задача моя состояла в том, чтобы прикрывать не столько заставу, сколько границу на участке в несколько километров.

— Что-нибудь не ясно? — вызывающе спросил он.

Новый человек, каким я был для начальника заставы, создавал для него новые проблемы. Он привык к взводу, который мы меняли, он давно нашел общий язык с его командиром, они два месяца вместе отражали обстрелы, они ели из одного котла и пили одну водку. Я был способен понять и пощадить чувства Игнатенко, молча кивнул головой и пошел к технике по мелкой, как сахарная пудра, пыли.

Пока я обошел все позиции, стало темнеть. По склонам пологих холмов, покрытых короткой, выжженной на солнце травой, брэнча жестяными колокольчиками, протопало бежевое стадо овец. Солнце скрылось за зубчатой каймой гор, и Пяндж потемнел, из серебристого превратился почти в черный. На афганском

берегу, среди лепных сараев-домиков, нагроможденных друг на друга и разделенных дувалами, которые ошетинились торчащими из них во все стороны соломинками, заструились вверх полупрозрачные дымки. Средким лязгом, выдувая из себя клубы выхлопов, вокруг «колючки» кружились боевые машины пехоты, занимая давно открытые и местами осыпавшиеся окопы. Начальник заставы отправлял на маршрут наряд. Похлопывая себя по бедру нунчаками, он ходил вдоль строя, спрашивал обязанности, останавливал солдата, если тот отвечал быстро и уверенно, и задавал новый вопрос другому.

Через час я вышел на связь с командиром роты и доложил, что взвод занял позиции согласно моему решению. С вершин холмов вниз по тропинкам побрели за водой гонцы.

Ночь прошла спокойно. Никто не стрелял.

* * *

Пастух, белобородый старик, опирался на палку, которая была чуть ли не наполовину выше его, и казался рослым и стройным, а Игнатенко, стоящий рядом в одних брюках, поблескивая вспотевшим торсом, — худым и беззащитным. Я не слышал, о чем они говорили, а когда подошел, пастух уже догонял свое бежевое брэнчащее стадо.

— Где он живет? — спросил я, кивая на старика.

— Там, — неопределенно махнул рукой Игнатенко. — В овчарне, километра два отсюда.

Его насторожили мой вопрос и взгляд, которым я провожал стадо.

— Пастуха ты не трожь, — добавил Игнатенко. —